

Суверенное бессознательное

Слово «страна-цивилизация» применительно к России встречается в книге Святейшего Патриарха Кирилла «Семь слов о русском мире» несколько раз. Это базовое понятие для описания предстоятелем Русской Православной церкви России, ее культуры и истории. Наиболее развернутую интерпретацию термина читатель книги найдет в начале Слова третьего «О солидарном обществе», где сказано, что «Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат» [3, с. 35].

Впоследствии, в том же Слове, делается попытка проблематизировать это утверждение и найти ему новый смысл. Можно ли считать отдельной цивилизацией, задается вопросом Патриарх, страну с далеко не самой совершенной экономикой и далеко не самой благополучной демографией, уступающую Западу в объеме финансовых ресурсов, а Индии с Китаем – в численности населения? По мнению Патриарха Кирилла, конститутивным признаком цивилизации является отнюдь не ресурсная мощь и не высокие демографические показатели, но «способность отражать в мыслях, чувствах, словах и делах ту непреходящую правду, которая имеет значение в вечности» [3, с. 36].

Однако для цивилизации важно не только умение сохранять фундаментальный для нее набор ценностных приоритетов, но и способность транслировать их в мир. Патриарх предполагает, что Россия может предложить миру характерный для нее «опыт строительства справедливых и мирных межнациональных отношений». У этого утверждения есть серьезные основания, если принять во внимание редко отмечаемый кем-либо исторический факт, что Россия – первая и единственная из всех империй Нового времени со значительным нехристианским населением, которая распространила права политического гражданства на всех жителей, без различия сословий, конфессий и национальностей. Это было сделано во время выборов в Учредительное собрание, когда Российская Республика отказалась от любой дискриминации взрослого населения страны по любому из признаков. Франция так и не обеспечила равноправия для мусульманского населения заморских департаментов и даже для Алжира, формально входившего в метрополию. Британия не предоставила прав гражданства жителям Индии или Австралии. В России же в ходе революции были ликвидированы любые политические ограничения, связанные с происхождением гражданина, что, конечно, было обусловлено опытом длительного мирного сосуществования этно-конфессиональных групп в пространстве континентальной империи [подробнее см.: 4].

В рамках настоящей статьи хотелось бы не столько определить, что входит, а что не входит в понятие «цивилизация» и удовлетворяет ли Россия какому-то объективному набору характеристик, описывающих это явление, сколько понять, что конкретно хотят сказать люди, когда соглашаются употреблять термин

Межуев Борис Вадимович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель редакционного совета портала «Русская idea». E-mail: borismezhuev@yandex.ru

«цивилизация» применительно к нашей стране, либо, напротив, категорически отказываются это делать. Важно уяснить, какое подразумеваемое сообщение стоит за «цивилизационным» дискурсом, какую особую функциональную задачу выполняет этот дискурс?

Понятно ведь, что речь идет не об эмпирически фиксируемых объектах, существование которых подтверждается или опровергается указанием на наличие или отсутствие неких реалий. Скажем, особой религиозной идентичности представителей одной цивилизации. Сэмюэль Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» попытался поделить все цивилизации именно по принципу вероисповедания и, закономерным образом, попал в тупик: армяне у него оказались православными¹, а греки, видимо, потенциальными католиками. За столетие до него Николай Данилевский разделил цивилизации по принципу этно-лингвистическому и тоже допустил ряд промахов – разделил семитическую языковую группу на три разных культурно-исторических типа: ассирийско-вавилонно-финикийский, еврейский и новосемитический, или арабийский, то есть арабский, а римский культурно-исторический тип противопоставил греческому².

Полагаю, что любой объективный критерий цивилизационного существования окажется столь же уязвим для критики. Вадим Цымбурский попытался ввести в качестве конституитивного признака цивилизации критерий «сакральной вертикали», то есть соотношения земного социального порядка с порядком трансцендентным, но, кажется, этим добавлением внес еще большую путаницу, поскольку из этого тезиса логически следовало, что любой обращенный в католицизм народ, принявший «сакральную вертикаль» Запада в лице папы римского, должен стать частью западной цивилизации. В принципе, я лично отчасти был бы готов принять такой ответ, но сам автор «Острова России» против него категорически возражал, поскольку, согласно его концепции, каждая цивилизация локализована в определенной этно-географической нише³. Цымбурский полагал, хотя никогда не выражал эту идею открыто, что цивилизации, по существу, не могут расширяться, а расширение их пределов, которое происходит путем завоевания иных земель и подчинения других народов, всегда оказывается иллюзорным. Даже если народы, не принадлежащие к этническому ядру цивилизации, искренне примут «чужую» сакральную вертикаль и станут ревностными ее адептами, как поляки по отношению к Риму, все равно для основных народов цивилизации они останутся народами-парвеню, и рано или поздно народы «ядра» им на это укажут.

Историческая онтология Цымбурского – это парадоксальный универсум конфликтующих и пытающихся транслировать свои ценности вовне, но по

¹ См. такой пассаж у Хантингтона в его выступлении в 1995 году в Дипломатической академии в Москве: «Несмотря на то что Россия остается светским государством и большинство россиян, как и большинство на Западе, придерживаются светских взглядов, Россия одновременно остается стержневым государством одной из основных мировых цивилизаций, исторически идентифицируемых с православным христианством. На сегодняшний день в эту цивилизацию также входят такие православные славянские государства, как Беларусь, Болгария, Македония и Сербия; такие православные неславянские государства, как Грузия, Армения и Румыния, и страны со смешанным населением – как православным, так и неправославным, – такие как Украина и Казахстан. Как стержневое государство Россия несет основную ответственность за поддержание порядка и стабильности среди православных государств и народов» [8].

² См. очень убедительную в ряде пунктов критику концепции Н.Я. Данилевского философом Вл. Соловьевым в первом выпуске знаменитого цикла статей «Национальный вопрос в России» [7, с. 333–396].

³ Наиболее последовательно эта мысль выражена в статье В.Л. Цымбурского 1997 года «Народы между цивилизациями» [11].

глубинной сути абсолютно изолированных в своих нишах и духовно одиноких миров-цивилизаций с их исключительно приватными «сакральными вертикалями». Вся историческая игра и видимость соперничества цивилизаций происходит только оттого, что они оказываются окружены народами, не утвердившись стопроцентно в какой-либо этно-культурной нише и оттого готовыми то принимать, то с гневом отвергать то или иное «цивилизационное посвящение». Но само это «посвящение», даже если оно и происходит, никогда не окажется подлинным: лимитрофные народы обречены колебаться между цивилизациями, даже если их примут в любые, самые почетные и престижные, цивилизационные клубы. Цымбурский мог бы с полным удовлетворением наблюдать в качестве подтверждения своей теории нынешние проблемы, которые возникают у Европейского союза с новыми центральноевропейскими лидерами типа Виктора Орбана в Венгрии или Милоша Земана в Чехии, которые вопреки ранее совершенному выбору их народов в пользу романо-германского мира неожиданно начинают посматривать в сторону России. И даже с той же ревностно консервативной Польшей, которая претендует быть настоящей, подлинной католической Европой, не понимая, что для нее это невозможно в принципе.

В этой теории Цымбурского меня всегда не устраивала некоторая структурная предопределенность ролей для каждого из народов, в общем, никак и ничем в его концепции не обусловленная. Получается, что одни народы бесконечно и безнадежно дрейфуют между цивилизациями, а другие пребывают в спокойной уверенности в том, что сакральный «центр мира» находится на их территории. Между тем, эта уверенность отнюдь не отличает и саму Россию. С восемнадцатого, наверное, века у русских такой уверенности нет. И далеко не случайно Россия постоянно пыталась вынести столицу на северо-западный или юго-западный край своей необъятной территории: то есть в финские болота или на черноморское побережье, в Константинополь. За этим было смутное ощущение, что центр цивилизации находится вовне и что история делается где-то в другом месте, а не в пределах этой холодной огромной страны. Следует ли из этого дрейфа в сторону запада, который сам Цымбурский называл в своих сочинениях «похищением Европы», что Россия представляет собой один большой «лимитроф», который точно так же хочет обрести «цивилизационное посвящение», как Украина или Болгария? Ученый посвятил свой гигантский труд «Морфология российской геополитики», который он так и не смог завершить, детальному выяснению вопроса о том, как Россия пыталась и как ей тем не менее не удавалось занять в конфликтной системе Европы определенную функциональную роль: роль восточного противовеса западному блоку, представляемому вначале отдельно Францией, затем – англо-французским альянсом, наконец – Североатлантическим союзом¹. Но проблема заключается в том, что в самой геополитической концепции Цымбурского, развернутой в его докторской диссертации, Россия как спутник Европы по типу своего поведения, по своему политическому поведению ничем не отличалась в имперские годы, рассматриваемые в книге (то есть в XVIII–XX веках), от «лимитрофных» народов Европы, как они вели себя последние пятьдесят лет.

Иными словами, Россия была в эти века цивилизацией с утраченным чувством цивилизационного самосознания. Это самосознание просыпалось только в тот момент, когда Империя оказывалась изолирована в своей внешнеполитической активности и теряла возможность участвовать в европейской игре. Вот тогда – скажем, после катастрофы Крымской войны – и приходило время таких идеологов, как Данилевский, которые видели в славянстве особый

¹ Пятая глава этого труда была опубликована в «Тетрадах по консерватизму» (2015, № 1) [10].

культурно-исторический тип, а в России – ту силу, которая позволит придать этому типу особую государственную форму. Но как только у России появлялся новый шанс на возвращение в Европу на правах даже вспомогательной, «ауксилиарной», как любил выражаться Цымбурский, силы, например, союзницы англо-французского блока против держав Оси, идеи цивилизационной особенности в духе Данилевского забывались, и воображаемый «сакральный центр» снова покидал границы собственного Отечества. Патриотически мыслящие либералы типа Михаила Терещенко или Александра Гучкова, готовившие военный переворот против Николая II, освободили себя от верности носителю исторической власти в России, который в этот момент был еще и Верховным главнокомандующим, однако тот же Терещенко уже в качестве министра иностранных дел Временного правительства постоянно уверял западных партнеров, что союзнические узы, связывающие Россию и страны Антанты, *священны*. Фактически в 1917 году собственная цивилизационная «сакральная вертикаль» была принесена в жертву этому «священному» единству России с державами Запада. Массонская тема, тема верности масонскому братству, часто возникающая при обсуждении той сложной ситуации, описанная, в частности, в известной книге Нины Берберовой «Люди и ложи» [1], лишь подчеркивает сверхпрагматический характер этой странной комбинации «верности» и «предательства», которая отличает «февралистский» эпизод отечественной истории¹.

Но опять же обращаемся к главному для нас вопросу – существует ли цивилизация в тот момент, когда она в лице своей политической элиты отказывается быть цивилизацией? Когда страна не сознает себя таковой, и разнообразные элитные группы действуют не просто вопреки цивилизационному самосознанию, но в прямом соответствии с иным, можно сказать, контр-цивилизационным самосознанием? В этом и заключалось главное расхождение с моим учителем Вадимом Цымбурским, пожалуй, до самого последнего времени его жизни, когда он, кажется, все-таки принял мою точку зрения². Я говорил Цымбурскому, что «нет, в этом случае цивилизации не существует». В марте 1917 года российская цивилизация объективно перестала существовать, это была своего рода ее клиническая смерть. И если бы Временное правительство удержалось еще на год и довело войну с Германией до победного конца в ноябре 1918 года, нельзя исключить, что история сложилась бы максимально благоприятно для тех, кто сегодня вновь мечтает вернуться в Европу. Учредительное собрание провозгласило бы республику. Российские промышленные элиты влились в международное экономическое сообщество стран-победительниц. В страну бы шли массовым потоком иностранные инвестиции. Присоединение России к Лиге наций и прочный союз с Францией и Англией исключили бы навсегда шанс на военное возрождение Германии. Россия стала бы мощнейшим оплотом нового демократического порядка на всей территории Евразии, причем не помышляя о какой-то своей суверенной игре, поскольку все поводы для нее были бы уже удовлетворены – славянские народы обрели бы независимость, Османская и Австро-Венгерская империи были разделены и устранены с исторической сцены. Сама мысль о том, что наше Отечество представляет собой какую-то особую цивилизацию, была бы сродни вере старообрядцев-раскольников в ушедший под воду град Китеж, или, еще точнее, надеждам Александра Дугина и его

¹ Тему переплетения «верности» и «предательства» в контексте описанной коллизии любопытно развивает в своем романе «Вспомнишь странного человека», посвященном судьбе Михаила Терещенко, философ Александр Пятигорский [6].

² «Принципиально я в общем принимаю формулу Б.В. Межуева о рождении цивилизаций из закрепленной на протяжении нескольких столетий решимости элит сообщества быть цивилизацией – то есть Основным народом на Основной Земле» [9, с. 17].

единомышленников, что современная Германия еще может стать противовесом атлантическому влиянию в Европе.

Цивилизации вполне могут исчезать из истории, а живут они в ней только тогда, когда в их бытие продолжают верить составляющие их люди. И весь вопрос состоит в том, что это за особая вера, из чего складывается представление о том, что твоя страна представляет собой не одну из наций, пускай и очень многочисленную, а именно отдельную цивилизацию, равноположную цивилизации западной. Потому что величина территории, конечно, ничего сама по себе не обеспечивает: в конце концов в западном мире есть очень похожая на Россию большая северная страна – Канада, но никому и в голову не придет назвать ее «страной-цивилизацией». И вот вопрос, почему Россия не Канада, почему она в кризисные моменты своей истории отчаянно сопротивляется вот такой «канадской», вне-цивилизационной судьбе? Что ее удерживает от того, чтобы стать Канадой? Просто нацией среди других наций западного человечества.

На поверхности лежат самые простые и банальные объяснения. Россия – цивилизация, а не нация, потому что состоит из многих этнических и религиозных групп, ее населяют мусульмане и буддисты, все они живут в мире и дружбе, и по этой причине Россия отличается от тех стран, в которых царствует национальное однообразие. Увы, национальное однообразие уже мало где наблюдается, менее всего в отдельных странах Европы, в частности, во Франции, где проживает шесть миллионов мусульман, – но по этой причине данные государства не называют себя «странами-цивилизациями». Есть и такой ответ: у нас, у русских, особая религиозная традиция – православие, и по этой причине мы не можем считать себя частью Европы, которая как отдельная цивилизация произошла из католического мира, отпавшего в XI веке от Вселенского Православия. Само по себе это правильно, но не объясняет, почему тем не менее Греция, Болгария и Румыния вошли во все евро-атлантические структуры и, кажется, пока не делают реальных попыток из них выйти.

Адепты России-цивилизации нередко произносят фразу, которую нужно феноменологически правильно осмыслить: мы – цивилизация, потому что «*Европа нам не указ*». Очень важно понять, в каком смысле «не указ». Идею цивилизационной самостоятельности нельзя подменить идеей национального суверенитета. Если мы – суверенная нация, то, собственно говоря, в это понятие включено то, что нам «не указ» требования властей других стран – США, Великобритании, Франции, Германии. Если мы хотим быть суверенными, как некогда были европейские державы, то должны обладать правом на принятие самостоятельных решений по кардинальным вопросам, прежде всего по вопросу о войне и мире. Как сказал бы Карл Шмитт, мы должны обладать правом выбирать друзей и врагов. Это и есть суверенитет, но это суверенитет национальный – для его описания концепт «цивилизационной личности» оказывается излишним.

Можно подойти к этому вопросу так: для «суверенной нации» – «не указ» решения отдельных правительств отдельных стран, а для «суверенной цивилизации» – «не указ» европейские ценности в целом. Тут возникает другая проблема – а именно, в какой мере допустимо принятие отдельной «страной-цивилизацией» тех или иных общечеловеческих достижений Запада и, напротив, можно ли на основании «цивилизационной личности» отказаться от того, что внесла в копилку общечеловеческого опыта Европа, равно как и другие цивилизационные миры. Можно ли прожить внутри своей цивилизации без науки, права, философии, без компьютеров и омбудсменов? Понятно, что из Европы придется, если мы хотим быть современными людьми, заимствовать очень многое, но в таком случае, что у нас остается от нашей претензии на «цивилизационную самостоятельность»? Какой все-таки смысл обнаруживается в формуле «Европа нам не указ», если простой «суверенитет» оказывается закреплен за

«нацией», а в Европе обнаруживается множество таких вещей, без которых нам, как и любому цивилизованному человеку на этой планете, не обойтись?

Но ведь как только мы попытаемся вообще снять «цивилизационный дискурс», мы тут же окажемся в концептуальной западне: выясняется, что если мы Европа, то либо Европа какая-то несовершенная, либо, наоборот, самая подлинная, сохранившая традиционные европейские ценности – национальный суверенитет и институт семьи в его религиозном понимании. То есть мы хотя и Европа, но вместе с тем не часть европейской цивилизации в ее нынешнем виде. И снова, будто бумерангом, к нам вернется тот же вопрос, пускай и не о самих себе, но о Европе: а что означает быть «цивилизацией»? Почему мы, благополучно усвоившие всё, что может дать Европа, тем не менее не являемся вполне Европой? И чем тогда является Европа, или Запад, в отвлечении от нас, если не отдельной «цивилизацией»?

Сделаем еще один феноменологический круг и зададимся вопросом – а что означает быть «нацией». Английский философ середины XIX века Джон Стюарт Милль, размышляя о свободе для просвещенных людей, сказал, что быть свободным означает чувствовать себя взрослым человеком, человеком, которому никто не может навязать иное понимание блага, чем то, которое он сам разделяет. «Нельзя приневолить человека к тому, чтобы он поступал известным образом, или к тому, чтобы он воздержался от известного действия, основываясь только на том, что, по мнению других, такой образ его поведения будет разумнее и справедливее, или на том, что, поступая так или иначе, человек будет способствовать своему же благу или способствовать своему же счастью» [5, с. 22]. Поскольку Милль совершенно не считал, скажем, индусов и африканцев «взрослыми людьми», он легко признавал возможность колониальной опеки над ними. Но вот к согражданам он предлагал относиться как к вменяемым людям сознательного возраста, которых никто не может убедить считать благом то, что они таковым не полагают. На мой взгляд, «нация» – это и есть сообщество «взрослых», достигших исторического совершеннолетия людей.

«Нация», по существу, – это сообщество людей, которые отказываются жертвовать настоящим во имя будущего. Это мир «взрослых» людей, которые знают, что им не нужно меняться для достижения будущего, потому что именно они, их нация, это будущее и олицетворяют. Милль сам сознает своеобразную контристоричность своей концепции. И он понимает, что без систематического нелиберального насилия над человеком в древности нельзя было бы представить себе не только строительство великих государств-империй, возникновение феодального, а затем торгово-промышленного строя, но и в целом продвижение прогресса, как бы широко ни трактовать это понятие. Милль признает, что в прошлом, которое он называет детством человечества, систематическое насилие было оправдано, подобно тому как оправдана опека взрослых людей над несовершеннолетними. Однако в нынешнюю эпоху Европа достигла исторической зрелости, и опека над индивидуальностью оказывается уже не нужной для общественного развития. Впрочем, насилие сохраняет свое значение для населения колоний, то есть для «отсталых по своему развитию обществ людей». На них правила либерализма не распространяются, поскольку «первоначальные шаги такого народа на пути самостоятельного прогресса всегда сталкиваются с такими тормозами, что для их преодоления приходится прибегать к крайним средствам» [5, с. 24].

Аналогия с «детским» и «взрослым» состояниями человеческого общества сама по себе не является ключом к разрешению этого парадокса. У нас нет оснований считать свое общество достигшим оптимальной степени зрелости – стоит хотя бы посмотреть на самих себя глазами будущих поколений, которым будет, вероятно, суждено превзойти нас и по уровню знаний, и по техническим способностям. Но, возможно, загадка идеи «свободы» как политиче-

ского понятия и заключается в том, что торжество этой идеи в духе Милля мыслимо только лишь в силу своего рода символического «отсечения будущего», абстрагирования от него. Идеально-типическое либеральное государство, если оно исходит из постулатов Милля, должно отказаться от «будущего», точнее от насилия над своими гражданами ради достижения этого будущего.

«Нация» – это не просто свобода от других стран, это право на независимость от извне навязываемого будущего – либерального, тоталитарного, постчеловеческого, какого угодно. Поскольку никто не знает конечного блага, конечной цели истории, финальной точки Омега эволюции мироздания – а это важнейшая предпосылка либерализма Милля, – то никто и не обладает правом принуждать достигшую взрослого состояния страну к каким-либо изменениям, связанным с необходимостью ее трансформации для достижения этого будущего. И все внутренние проявления, добавлю от себя, национальной власти могут быть оправданы только в целях укрепления свободы «взрослой» нации от попыток внешнего на нее воздействия. Поэтому в логике национального сознания временная диктатура допустима исключительно в целях обеспечения национальной свободы и независимости от внешних сил, но никак не для создания нового человека, нового общества или нового социального строя. Государство не может подменять собой историю, оно не должно строить будущее (в противном случае оно становится государством тоталитарным), оно может действовать только во имя защиты настоящего.

Как показал еще Макс Вебер, у этой секулярной логики легко обнаруживается некое мета-религиозное содержание: все те земные силы, которые претендуют на выражение некоего трансцендентного порядка, которые говорят о том, что они и посредством их с людьми говорит само будущее, сама История с большой буквы, с точки зрения национальной, являются не более чем самозванцами и узурпаторами. Согласно Веберу, одно из «идеальных» оснований западноевропейского «политического индивидуализма» – «религиозные убеждения, не признающие человеческого авторитета, поскольку такое признание означало бы атеистическое обожествление человека» [2, с. 25]. Это именно та самая логика, которая позволила протестантам отказаться римскому папе в праве на светскую власть, а американским колонистам не подчиниться решению парламента, в который они не выбирали своих представителей. И так, «нация» – это своего рода бунт против власти будущего во имя автономии личности или союза потенциально или актуально автономных личностей. И вот, напротив, «цивилизация» – это прямо альтернативное представление о том, что будущее так или иначе, но все таки совершается с нами, что социальный порядок движется еще какими-то иными ценностными ориентирами, причем ориентирами, устремленными в будущее и не сводящимися к обустройству мира сего, помимо ценности «свободы» и «автономии личности».

Если идея «нации» основана на представлении о том, что мы – «взрослые» люди и как «взрослые» не нуждаемся ни в какой опеке, то скрытым подтекстом дискурса «цивилизации» является сознание, что мы все-таки еще немножко «дети» и как дети не вполне знаем о том будущем, на которое мы обречены, но в строительстве которого тем не менее участвуем. «Нация» – это история, которую творим мы, «цивилизация» – это история, которая творит нас. Мы погружены в нее не как сознательные, ответственные личности, но как ведомое неким невидимым пастырем стадо. Именно невидимым, потому что в ситуации модерна старая «сакральная вертикаль» оказывается дискредитирована, и движущие центры истории, если даже конспирологически предположить их реальное наличие, в чем я лично сомневаюсь, не видны взгляду наблюдателя.

Едва ли люди Запада до конца отдадут себе отчет, куда в итоге может привести их процесс секуляризации и какую последнюю цель будет иметь програм-

ма «обезбоживания мира» при ее последовательном осуществлении. В XIX веке секуляристы отделили религию от образования, в XX разрешили аборт, в XXI веке легализовали однополые браки. Скоро бисексуалы потребуют права на двоебрачие, в XXII веке, возможно, отпадет запрет на полигамию. В полигамном мире, где будет возможна и допустима полиандрия, у детей не будет необходимости знать имена своих отцов, в конечном счете отцовство исчезнет как институциональный рудимент патриархальной эпохи, духовные связи сменятся биологическими; и не исключено, что после этого человек перестанет быть человеком, а превратится в некое высокоорганизованное животное, как это было увидено братьями Стругацкими в их антиутопии «Улитка на склоне». Дело даже не в том, хорошо это или плохо само по себе. Проблема в том, что люди, которые позавчера отменяли чтение Библии в школах, а сегодня требуют юридического равноправия для однополых сожительства, просто не понимают, в каком процессе они участвуют и каков финал этого процесса. Разумеется, точно так же люди участвуют во множестве других важных в социальном отношении процессов, конечный смысл которых, хотя и логически предопределен характером этих процессов, но тем не менее скрыт от их сознания. И вот весь этот набор соответствующих процессов, который совершается с нами во «взрослом» обществе, но который тем не менее скрыт от нашего «взрослого» сознания, я бы и назвал словом «цивилизация». «Цивилизация» – это бессознательное нашего «взрослого» общества, это не просто набор каких-то понятных нашему уму ценностей, но совокупность исторических программ, обусловленных приложением этих часто разнонаправленных ценностей к социальной жизни. И если допустить, что действие этих программ имеет некую пространственную локализацию, то есть что мы имеем возможность уклониться от участи быть включенными в какую-либо из них, то только в этом случае мы можем предполагать множественность цивилизационных путей для человечества.

«Цивилизация» – это элемент контрмодерна в эпоху модерна, это то состояние, в котором мы продолжаем пребывать стадом, ведомым невидимым пастухом в неизвестном для нас направлении, при том что вроде бы мы считаем себя сознательными людьми, способными понять и рассчитать свое благо. Весь вопрос в том, идет ли человечество по истории единым стадом, или все же у иных незападных народов может быть собственный невидимый пастырь.

«Цивилизация» – это религиозный феномен не в смысле простого соответствия границ цивилизации с конфессиональными границами и сферой сакрального. А в смысле того, что сознательное присоединение к той или иной «цивилизации» означает вхождение в некий исторический поток, устье которого принципиально скрыто от глаз любого наблюдателя. И потому вступление в этот поток требует не знания, а веры в то, что он приведет к благой цели, доверия пастырю – либо видимому, то есть представляющему «сакральную вертикаль», либо, чаще, невидимому. Если «нация» – это союз людей во имя свободы, то «цивилизация» – это союз во имя общего движения в неизведанное будущее. В этом смысле «нация» – это бунт против видимых и невидимых «пастырей»: и по большому счету существует явная связь между восстанием северных наций Европы против Рима в эпоху Реформации с борьбой евроскептиков против доминирования Брюсселя. Не думаю, что за нынешними протестантами-евроскептиками будущее, мир Просвещения, мир модерна – это, на мой взгляд, полуперевёрнутая страница истории, и не случайно, что на смену Риму в XX веке пришел Брюссель, и на смену Брюсселю придет обязательно какой-то другой город, который будет символизировать «цивилизационное» единство Европы. Просто потому, что история ставит человечество перед целым рядом вопросов, ответ на которые может быть только религиозным. И от этого ответа уклониться невозможно. Проблема «однополых браков», конечно, является одним из таких

вопросов, своего рода оселком размежевания человечеств, одно из которых явно стремится взять этот барьер секуляризации, чтобы двигаться в этом процессе дальше.

Итак, подходим к завершению. Когда мы эксплицируем представление о России как «стране-цивилизации» через простой и вульгарный мем «Европа нам не указ», мы хотим тем самым сказать, что не хотим вливаться в актуальное течение европейской истории, движущие силы которого нам более или менее понятны, промежуточные вехи тоже, а вот финальный пункт скрыт от нашего сознания. Однако интуитивно, на уровне веры, мы страшимся предполагаемого финала, он нас отвращает и даже пугает. И у нас есть в запасе множество известных религиозных метафор, содержащих достаточно внятное его описание. Именно этот страх заставляет нас обращаться к тем или иным аспектам национальной религиозной традиции, в силу которых мы могли бы по крайней мере надеяться, что включены самой историей, культурой и географией нашей страны в какой-то иной процесс, который мы тоже, возможно, не осознаем в его целостности (каковы его истоки и куда он ведет), но которому, однако, мы в большей степени оказываемся готовы доверить свою судьбу и судьбу своих потомков. В качестве объективного обстоятельства, фиксирующего реальность этого альтернативного потока истории, может выступить, например, полная неспособность России как государства вписаться в Европейский союз, отрицание однополого сожителства как юридической и моральной нормы, протест против ювенальной юстиции и т.д. Главное здесь в том, что если с «национальной» точки зрения навязывание чужих правил, тем более насильственное – это зло само по себе, вне зависимости от того, что конкретно навязывается, то с «цивилизационной» точки зрения важны сами правила и нормы, и важно, что в выборе этих правил и норм в любом случае полную автономию воли обеспечить будет невозможно.

Так можно ли назвать Россию «страной-цивилизацией»? Можно, но только до той степени, пока в России есть люди, верящие в то, что она таковой является. Верящие, что особость от процесса европейской истории непременно должна быть гарантирована ее военным и экономическим потенциалом, потому что в этой чужой истории что-то вызывает наши подозрения. Если эта чужая история будет вызывать наше полное доверие, тогда нам как «стране-цивилизации» не помогут ни история, ни география, ни язык, ни даже особая религиозная конфессия. Мы, возможно, преодолев сопротивление Запада, сами станем Западом, пойдем с ним одной дорогой в ту сторону, в которую он идет. И вот в этом пункте я вынужден снова разойтись с Вадимом Цымбурским, который утверждал, что «похищение Европы» невозможно, исключено самой онтологией миров-цивилизаций, которые не смешиваются и не сливаются воедино. Я как раз думаю, что такое «похищение» при определенных обстоятельствах вполне допустимо, просто что-то в нас, в тех, кто говорит о России как «стране-цивилизации», протестует против этого исхода. И вот пока существует этот внутренний протест и пока он может быть развернут в некое самостоятельное историческое творчество, в жизнь «особого человечества на особой земле», до этого времени мы можем говорить о себе как о «стране-цивилизации». И в этом смысле сама книга предстоятеля Русской Православной церкви является доказательством веры в то, что наш цивилизационный «остров» пока не утонул в глубинах чужой истории.

Литература

1. Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX века. М.: Прогресс-традиция, 1997.
2. Вебер М. О России: Избранное / Пер. и предисл. А. Кустарева. М.: РОССПЭН, 2007.
3. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире / Сост. А.В. Щипков. М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2015.

4. Межуев Б.В. Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 19–27.
5. Милль Дж.С. О свободе. СПб., 1906.
6. Пятигорский А.М. Вспомнишь странного человека. М.: НЛО, 1999.
7. Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: случай России // Общественные науки и современность. 1995. № 3; Републикация: Русский журнал. 2009. 31 июля. URL: <http://www.russ.ru/pole/Stolknovenie-civilizacij-sluchaj-Rossii>
9. Цымбурский В.Л. Speak, Memory!: Введение // Цымбурский В.Л. Конъюнктуры земли и времени. М.: Европа, 2011.
10. Цымбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX вв.: Фрагмент книги. Глава пятая: Первая евразийская эпоха России: от Севастополя до Порт-Артура // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 50–109.
11. Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 212–238.

Аннотация. В статье делается попытка не столько определить, что входит в понятие «цивилизация», сколько понять, что конкретно хотят сказать люди, когда соглашаются употреблять термин «цивилизация» применительно к России или же отказываются это делать. Автор стремится выяснить, какое подразумеваемое сообщение стоит за «цивилизационным» дискурсом, какую особую функциональную задачу выполняет этот дискурс. Он также констатирует, что идею цивилизационной самостоятельности нельзя подменить идеей национального суверенитета. Если с «национальной» точки зрения навязывание чужих правил, тем более насильственное, – это зло само по себе, вне зависимости от того, что конкретно навязывается, то с «цивилизационной» точки зрения важны сами правила и нормы, и важно, что в выборе этих правил и норм в любом случае полную автономию воли обеспечить будет невозможно.

Ключевые слова: цивилизация, страна-цивилизация, нация.

Boris Mezhuев, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, History of Russian Philosophy Department, Lomonosov Moscow State University; Chairman, Editorial Board, “Russian Idea” Portal (politconservatism.ru). E-mail: borismezhuев@yandex.ru

Sovereign Unconsciousness

Abstract. In this article the author tries not so much to define what the term “civilization” includes, as to understand what people really mean when they agree to use the term “civilization” in respect to Russia or refuse to do so. The author tries to find out what implied message is at the bottom of the “civilization” discourse and what its specific functional goal is. The author states that it would not be right to substitute the idea of civilization independence for the idea of national sovereignty. If from the “national” point of view the imposing of foreign rules, especially by force, is harmful in its essence regardless of what is imposed specifically, the “civilization” point of view attaches primary importance to the rules and standards themselves. It’s important to understand that the choice of such rules and standards can’t be fully autonomous in all cases.

Keywords: Civilization, Country-Civilization, Nation.